

Алина Николевская

Прозорливый идиот

или Ложимся во мрак

Алина Николевская

**Прозорливый идиот,
или Ложимся во мрак**

«Издательские решения»

Николевская А.

Прозорливый идиот, или Ложимся во мрак / А. Николевская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837417-3

Роман из серии «Богатые тоже плачут». Написан от первого лица, типа «Над пропастью во ржи». Отец главного героя — водочный король. Брутальная личность, конченная сволочь. Но сынок всё-таки одержал над ним верх, хотя и сам при этом не уцелел.

ISBN 978-5-44-837417-3

© Николевская А.
© Издательские решения

Прозорливый идиот, или Ложимся во мрак

Алина Николевская

© Алина Николевская, 2017

ISBN 978-5-4483-7417-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По приезду в Прагу я устроился охранником в аптеку – чтобы, имея доступ к сильнодействующим препаратам, уйти из жизни. Когда захочу, и не тратя лишних усилий. Усилия мне в лом, так как в живых я числюсь лишь номинально. На самом деле я мёртвый. Мёртвый гот по имени Прозорливый Идиот.

Мой друг, надевая меня этим именем, сказал:

– Звучит, конечно, не совсем готически, но готично.

Я спросил:

– А в чём разница?

Он ответил:

– «Готично» – выражает эмоцию, как слово «классно», например, а «готически» – обозначает стиль. И неизвестно, что прикольнее. Моё имя тоже нельзя отнести к готическим – Дикий Зилло – в переводе – «Усердно Дикий», но мне оно нравится. Особенно в укороченном варианте – Ди Зилло. А если бы я был Мерлином – так звали волшебника – героя кельтских народных преданий – это меня бы напрягало.

– Меня напрягает Прозорливый Идиот, – честно признался я. – Ди Зилло звучит как производное от Дизеля, и в этом чувствуется драйв. А тут...

– А тут прямая ассоциация с фильмом Алекса Пройаса «Ворон». Ты же не будешь спорить, что все вороны мудрые и прозорливые, а магические – в особенности. А что касается драйва, то прослушай сольный альбом Игги Попа «The Idiot». Вот уж где настоящий драйв!

Что касается фильма «Ворон», то кто ж его не смотрел и кто не знает, – исполненная мрачной поэтики кинематографическая история парня, восставшего из мёртвых, чтобы отомстить за свою смерть и убийство подруги, самым загадочным и страшным образом повлияла на судьбы создателей ленты. Один из актёров получил тяжёлые ожоги, другой серьёзно поранил руку, писавший о фильме журналист попал в автомобильную аварию, оформитель сошёл с ума, но апофеоз кошмара – прямо на съёмочной площадке был застрелен исполнитель главной роли – Брендон Ли – сын знаменитого Брюса Ли, погибшего при похожих обстоятельствах за двадцать лет до этого.

Об Игге Попе я понятия не имел. Поэтому полез в Интернет, откуда узнал – на данный момент Игги Поп – ехидный старикашка, этакий дедушка-торчок, повёрнутый на психоделии, и прячущий под маской придурковатости порочность, являющуюся его сутью. В молодости он сделал всё, чтобы смешать с грязью благоуханные шестидесятые. В его активе выступления с разрезанием вен, полумифические истории о мастурбации на сцене, несовершеннолетние группизы – и всё это под бессмысленные вопли и провокативно грязные тексты, положенные на рваные аккорды.

При следующей встрече я сказал другу:

– Твой Игги Поп мне отвратителен. Давай я лучше буду Прозорливым Крейзи.

Ди Зилло внимательно на меня посмотрел.

– Идиоты плачут, кретины же никогда не проливают слёз.

Он знал, о чём говорил. Мы ведь и познакомились с ним при обстоятельствах, когда он ещё не был готом Ди Зилло, а я плакал. Стоял на обочине дороги и, глядя на сбитого машиной у меня на глазах Элая, плакал. Он был моим любимцем – чёрный терьер Элай, хотя и Милу

я тоже любил – его подругу. Она погибла зимой – провалилась и не смогла выбраться из проруби, образовавшейся в результате того, что в нашем пруду пилили лёд – отец захотел построить ледяной дворец. Трагедия произошла, скорей всего, поздним вечером или даже ночью, и мы долго пребывали в уверенности – Мила, испугавшись фейерверочной канонады, убежала и не может найти дорогу домой. Искали, прочесывая округу в радиусе двадцати километров. А весной, когда растаял лёд, обнаружили в воде её труп... Теперь погиб Элай. И тоже по вине людей. Сбившая его машина даже не остановилась, а о себе я и не говорю – идиот! – пересекать шоссе с собакой, не взяв её на поводок!

– Мёртвая? – услышал я голос. Обернувшись, увидел подростка примерно моего возраста, – в некотором отдалении стояли высокий парень с рюкзаком на спине и нагруженная тяжёлыми сумками женщина.

Я кивнул.

– Стой здесь, я сейчас тележку приволоку, – сказал подросток и побежал по дороге, ведущей к садовым участкам, располагавшимся на берегу водохранилища.

Внезапно он затормозил, вернулся и, забрав у женщины сумки, возобновил движение в прежнем направлении. Женщина и парень с рюкзаком двинулись следом.

Появился он минут через десять, толкая перед собой низкую тележку, представлявшую собой поддон из плохо оструганных досок на четырёх колёсах. Элай был большой – на поддон едва поместился, я даже подумал, – а не созвониться ли с охранниками, – им оттранспортировать мёртвую собаку на расправленном брезенте не составило бы труда. Но обидеть своего добровольного помощника, – нет, тогда это было невозможно. Как невозможно представить себе ту ситуацию сейчас, когда шестисоточные садовые участки и обширные богатые поместья окончательно оказались в двух различных мирах, в двух разных планетарных системах. Сейчас можно жить по соседству, имея линией разделения лишь узкую асфальтовую полосу дороги, видеть по временам один загородный горизонт, восход и заход солнца, можно даже симпатизировать друг другу, но никогда не сделать шага к сближению, подчиняясь группирующей инерционной силе отдельных магнетических систем и холоду космического пространства между ними.

Подросток схватился за длинный металлический прут с крюком на конце, цеплявшим тележку.

Я сказал:

– Нам туда.

И взмахнул рукой, указывая направление.

– А я знаю, – отозвался он. – Я тебя часто на берегу канала с собакой видел. Знаю, откуда ты приходил и видел куда уходил. Ну что, поехали? Я буду тянуть, а ты иди сзади, поддерживай лапы своего пса, чтобы по земле не волочились. Ну, и давай, что ли познакомимся?

– Давай, – сказал я. И назвал своё имя.

– А я Кирилл. – Он протянул мне руку. И я её пожал.

– Элай погиб, – сообщил я охранникам, встретившим нас у ворот. – Машина сбила.

– Номер запомнил, марку, цвет? – засуетился один из них по фамилии Миронов. – Сейчас догоним!

Я покачал головой.

– Не надо. А где Коновалов?

– Отошёл. Сейчас будет. А зачем он тебе?

– Хочу, чтобы он насчёт похорон распорядился. Яму надо выкопать в лесу, у большого дуба, рядом с могилой Милы.

– Так я и сам могу распорядиться, – пожал плечами Миронов. – Эй, Амиджанов, подика сюда!

Глядя на послушно семенящего к воротам рабочего-таджика, Кирилл сказал:

- У вас тут прямо как в армии, всех по фамилии называют. У тебя что, отец генерал?
- Нет, – ответил я. – Просто так повелось.

Повелось, а вернее, началось это, конечно, не просто так, а с приезда в нашу усадьбу англичанина мистера Монкриффа, приглашённого моим отцом на обед. Мистер Монкрифф был учителем каллиграфии в частной школе, где я учился. Выбрав его предмет исключительно как альтернативный нудным урокам английской литературы, я вскоре втянулся в увлекательный процесс изображения на бумаге букв готического шрифта и замысловатых виньеток в стиле старинного саксонского письма. Монкриффские же изысканно-точные росчерки, выполняемые золотым, с косым срезом паркеровским пером, паркеровскими чернилами на отличной мелованной бумаге, по-настоящему меня восхищали. Отец пригласил учителя каллиграфии к нам на обед исключительно потому, что тот был англичанином, – всё английское тогда входило в моду, – и тоже готов был им восхищаться как наследником и продолжателем культурной европейской традиции. Но мистер Монкрифф отца разочаровал. Во-первых, своей несветскостью – не проявил никакого интереса к строящемуся конному манежу – в конюшню, правда, зашёл, повертел головой, но ничего не сказал. А во-вторых, мещанской прагматичностью – в Россию приехал только из-за денег, – хочет побыстрее расплатиться за небольшой, на четыре спальни домик в Дитчлинге, считает себя лишь искусным каллиграфом-подражателем, и не скрывает от своих учеников – на то, чтобы стать настоящим профессионалом, уйдёт вся жизнь.

И всё-таки кое-какую ценную информацию отец в процессе общения с англичанином почерпнул. В частности, тот сообщил, что на Британских островах прислугу называют только по фамилии, никогда по имени – это считается дурным тоном. Только по фамилии.

– Я понял, зачем они это делают, – объявил отец после того, как гость покинул наши пределы. – Увольнять легче. Трудно уволить парня, которого ещё вчера называл Юра, или даже Юрок. А так, – Коновалов, с сегодняшнего дня ты свободен. Надо и у нас такие порядки завести.

Когда мы шли с Кириллом от ворот, к нам подошёл тот самый Коновалов – начальник службы охраны и сообщил, что тренер по теннису уже приехал и дожидается меня на корте.

К прислуге тренер по теннису приравнен не был, поэтому называть этого подтянутого седовласого восьмидесятилетнего джентльмена следовало по имени, отчеству – Ахмет Хайруллович. Тем более, что он – татарин по национальности возглавлял в советское время, имея дипломатическое прикрытие, шпионскую сеть в Турции, и коротал время между раутами на лучших теннисных кортах средиземноморского побережья бывшей Османской империи.

– Мехраба! – приветствовал он меня.

– Это «здравствуй» по-турецки, – шепнул я Кириллу и ответил: – Мехраба!

– Твой друг? – Ахмет Хайруллович окинул Кирилла лучистым взглядом профессионального разведчика.

– Да, – сказал я.

– Тоже теннисист?

– Нет, – сказал Кирилл.

– Но, наверняка, сочувствующий?

– Сочувствующий.

– Ну раз так, – тренер показал в улыбке слишком белые и слишком ровные для его возраста зубы. – Займёмся сегодня ударами по гантели.

Я знал, – он ненавидит это упражнение также как и я. Только я по причине нудности – в лом было тупо бить по головке гантели как по мячу, опираясь на правую ногу и следя за тем, чтобы бьющая рука была немного отведена и повернута внутрь в плечевом суставе, несколько согнута в локтевом суставе и приведена в лучезапястном. А он по причине старческой немощи – в лом было стоять, то опуская гантель до уровня коленей игрока, то поднимая

до уровня пояса, то ещё выше – до плеча. Следя за тем, чтобы головка располагалась от носка опорной ноги обучаемого на расстоянии двадцати сантиметров.

Передоверив ненавистный снаряд не посмевавшему от него отказаться Кириллу, Ахмет Хайруллоевич позволил себе сорокаминутный отдых. Удобно – нога на ногу – расположился в плетёном кресле и лишь покрикивал:

– Дриблинг давай, давай дриблинг! Не закреплён лучезапястный сустав, слышишь, закрепи! Центром бей, слышишь, бей центром струнной поверхности! Не опускай сильно ракетку! Не верти рукой, разгоняйся в плече! А ты ровнее держи, слышишь, не егози туда-сюда, вверх-вниз, поспокойнее!

Зато потом он вознаградил нас, дав мастер-класс в части резаных ударов у стенки. Попутно объяснял, – удар в высокой точке требует тщательной отработки, его наносят всей рукой от плеча, кисть жёстко закреплена, нельзя резко приседать или распрямляться.

Кирилл попробовал, и него получилось. Это удивило и восхитило тренера, предложившего ему прийти на следующее занятие, которое состоится через два дня, в среду.

– Всё равно не сегодня-завтра тебе потребуется партнёр, – объяснил он, обращаясь ко мне.

Я кивнул. Потом повернулся к Кириллу:

– Ты завтра приходи. Утром, сразу после завтрака. Придёшь?

– Приду.

*

Утро следующего дня началось для нас с посещения могилы Элая.

– Этот лес тоже ваш? – спросил Кирилл, оглядывая высокие стволы сосен, елей и лиственниц, обступивших широкую ровную поляну со столетним дубом посередине – почти полым – вместо сердцевины огромное обугленное дупло, – но упорно продолжавшим зеленеть.

– Да, – ответил я. – Отец взял десять гектаров леса в аренду на сорок девять лет. С условием не вырубать и ничего здесь не строить. Лишь чистить и охранять.

– От кого охранять, от деревенских? – в голосе моего гостя чувствовалось напряжение.

– От них тоже, – сказал я, сохраняя невозмутимость. – Кто-то же ведь поиздевался над дубом, выжег ему сердцевину.

– А может это молния ударила?

– Может и молния. Только любителей поджигать лес хватает. Ещё свалки устраивают и вообще...

– А вообще-то не очень-то вы лес чистите, – в глазах Кирилла плясали насмешливые злые огоньки. – Вон какой бурелом, видишь?

– Ну и что? – я посмотрел в направлении его вытянутой руки – там за деревьями действительно виднелось что-то похожее на большую кучу валежника. – Нормальный лес так и должен выглядеть. Вон, в Австрии освободили леса от завалов, превратили их, можно сказать, в парки, и оттуда ушло всё зверьё. А у нас здесь и зайцы водятся, и лисы, лоси и даже кабаны.

– А что у вас ещё есть, кроме зверья?

– Ещё бассейн есть – можем искупаться, и пруд есть – можем рыбу половить.

– Это пруд, где твоя вторая собака утонула? Зимой. Ты рассказывал.

– Да.

– Большой?

– Пойдём, сам увидишь.

Это был, конечно же, не пруд в привычном понимании этого слова, типа, – большая лужа с пологими, заросшими камышом и осокой берегами. Это был причудливой формы искусственный водоём, над дальней оконечностью которого нависала терраса, покоившаяся на мощных бетонных опорах, облицованных серым норвежским гранитом. В такой же гранит были

одеты берега, и им же был отделан цоколь нашего большого дома, продолжением которого являлась эта самая терраса, уставленная плетёной мебелью и терракотовыми горшками с экзотическими растениями типа магнолий и олеандров. Она мыслилась как площадка для ловли форели прямо в домашнем халате по утрам. Или по вечерам – во время дружеской попойки, когда каждый гость мог попытаться рыбацкое счастье, стоя или сидя с удочкой у низкой мраморной балюстрады. Форель, как известно, любит быструю проточную воду, и для обеспечения постоянного её круговорота был сооружён искусственный водопад – высотой чуть ниже крыши дома, с подсветкой. Понуждаемая мощным насосом вода днём и ночью низвергалась с вершины каменной горы, омывая выступы искусно уложенных базальтовых глыб.

Форель, правда, так и не прижилась, как и молодь стерляди и других осетровых, которую отец запустил в водоём щедрой рукой вместе с карасями. Вот караси одни и выжили, став жирными и почти ручными.

Кирилл поймал шесть рыбин, каждая – не менее килограмма, и, унося улов домой, выглядел очень довольным – даже пообещал показать мне свои рыбные места на канале.

Впрочем, я ошибся – не на канале, а на водохранилище в районе затона, отделённого от основной водной магистрали полуостровом, покрытым невысокими деревьями и кустарником. Вот напротив этого полуострова мы с Кириллом на следующий день и расположились, имея намерение вытащить хотя бы одну из тех больших щук, что «гуляли» вокруг деревянных мостков, распугивая мелкую рыбёшку. Мостки были старые, щелястые, доски на них кое-где и вовсе обломались, и Кирилл встал на колени, предложив мне сделать то же самое. Наклонившись, я увидел сквозь большую щель, как в столбах света, уходящих в глубину, неторопливо кружат мальки. Кружили они так недолго, – стайка вдруг резко метнулась вверх, за нею, словно от глотка, образовалась широкая воронка и мелькнула длинная тень. Это охотилась щука.

– Видел? – спросил Кирилл.

– Видел, – отозвался я, поднимаясь. – Думаешь, сумеем такую поймать?

– Уверен, – он выпятил подбородок. – Давай, забрасывай!

Забрасывали мы впустую довольно долго. Солнце уже стояло в зените, над водой, делая внезапные повороты, парили стрекозы, от примятой травы шёл густой, пряный запах. Мы успели съесть бутерброды и фрукты, захваченные из дома, – как вдруг леска моего удилица, скользя по кругам, расходившимся от упавшего в воду живца, стала уходить в глубину. Да так, что через пару секунд от неё ничего не осталось, и застрекотала катушка, быстрее, ещё быстрее... Я не успел сообразить, что происходит, видел только, как леска, вспарывая поверхность воды, убегает от мостков всё дальше, и знал, что её необходимо остановить. Притормозил катушку рукой, и словно целое водохранилище потянуло меня на себя. Катушка резко дернулась, и я упал в воду. Почти в то же мгновение лопнула леска, хлестнула назад и запуталась у меня в волосах, оцарапав лицо.

– Сорвалась, зараза, – сказал Кирилл, помогая мне выбраться на берег. – А у тебя лоб поранен. Кровь идёт. Надо рану обработать. Пойдём к нам.

Их участок располагался недалеко от берега, в ряду таких же, разделённых металлической сеткой и покосившимся штaketником шестисоточных наделов. Домик на два окна, выкрашенный в ярко синий цвет, серый скворечник уличного туалета, парник, сооружённый из старых, с шелушащейся краской оконных рам, – остальную площадь занимали овощные грядки и ягодные кусты. Домик был крошечным, и вопрос о пристройке в виде терраски стоял так остро, что мать Кирилла, намазывая мне лоб йодом, не переставала обсуждать его со своим старшим сыном. Тем самым высоким парнем с рюкзаком на спине, что стоял в тот проклятый день на обочине чуть поодаль от меня и от мёртвого Элая. А она была той самой женщиной с сумками.

– Ну и зачем тебе эта терраска? – он демонстративно не обращал на меня внимания.

– Ну как же, – её рука с ватным тампоном дёрнулась, причинив мне боль. – У всех есть терраски. А под ней надо погреб вырыть. У всех есть погреба, только у нас нет.

– Ну и что ты будешь там хранить? – он явно еле сдерживался. – Десять банок солёных огурцов, столько же банок с вареньем и мешок картошки?

– Да, – она горестно покачала головой. – Больше-то вряд ли мы в этом году соберём. Эх, нам бы землицы побольше!

– Ишь, чего захотела! – лицо её старшего сына побелело от ярости. – Расхватали землицу! Нефть, газ, золото, поля, леса – всё схватили! – он ткнул в меня пальцем. – Такие, как этот!

– Но это же не он, – заступился за меня Кирилл. – Это же его отец подсуетился.

– Вот я и говорю, – интересно было бы узнать, каким, таким образом его отец стал богатым!

Каким образом разбогател мой отец, я знал. Всё началось с далёкого теперь уже тысяча девятьсот девяносто второго года, когда к нему, работавшему начальником отдела в Научно-исследовательском институте био-пищевых технологий, пришли люди и попросили помочь в организации водочного производства в помещении бывшего коровника, который ранее принадлежал подмосковному совхозу «Ленинский путь». Тогда многие так делали – сарай в чистом поле, старое, списанное оборудование, вода – в лучшем случае пропускаемая через картонные фильтры, бригада украинских рабочих и цистерна ворованного спирта, – обходились даже без бутылочно-моечной машины – все равно выпьют – с мухами, песком и осколками стекла. Кто навёл на него этих людей, отец не знал, но, используя свои обширные связи, им помог, заодно оказав услугу директору Мелитопольского винного завода, мечтавшему избавиться от излишков оборудования не без пользы для своего кармана. Оттуда же из Мелитополя была пригнана первая цистерна ворованного спирта. Потом ещё одна, и ещё... И вот уже спиртовой поток течёт откуда только можно в Московскую область и в прилегающие к области регионы, где, что ни день, открываются новые подпольные цеха. Отец, распрощавшись с должностью в НИИ, обзавёлся оружием и, очертя голову, ринулся в нелегальный водочный бизнес – дело, требовавшее попервоначально работы на износ и смертельно опасное. Чего стоит история с осетинской мафией, контролировавшей всё производство палёной водки в республике, которая больше ничего и не производила. Отец, подвыпив, постоянно к этой истории возвращался, – рассказывал, как их – пятерых москвичей вызвали для проведения второго тура переговоров (первый тур в Москве закончился безрезультатно) в город Алагир, и как в живых остался только он один. «Самолёт взлетел из Минеральных Вод», – жёсткая линия отцовских губ становилась ещё жёстче. – «И когда лёг на крыло, я увидел внизу ленту дороги, ведущей на Ростов, всю забитую фурами с осетинской водкой. Это было похоже на колонну немецких танков, идущих на Москву. И тогда я решил, – мы обязаны выстоять». Он и выстоял, превратившись в одного из королей подпольного водочного бизнеса, ставшего полуправильным после вхождения в дело глав администраций, крупных милицейских чинов, церковных иерархов и политиков. Один из них – самый яркий и скандальный – даже дал согласие на то, чтобы его фамилия стала водочным брэндом. Этот брэнд отец зарегистрировал на своё имя, ежемесячно отчисляя политику процент от продаж. По-настоящему же он отошёл от левых дел, когда вознамерился попасть в качестве депутата в Государственную Думу, тогда – ссыпал в одну грудку свою добычу, опустил на мачте чёрный флаг, сошёл на берег и повесил над камином пиратский топорик. Тем более, что камин к тому времени у нас уже был. Вообще, планы отца, когда он заполучил земельный участок в четыре гектара, расположенный рядом с Истринским водохранилищем (плюс десять гектаров леса, взятого в аренду), были грандиозны. Он хотел, чтобы удивление вызывала не роскошь – к ней уже успели привыкнуть – а сочетание комфортабельных построек с уединёнными, застланными цветами полянами, водоёмами и лесами с множеством диких зверей. Крышу дома он видел стеклянной, с зимним садом под ней, а стены должны были иметь особое устройство, с помощью которого кровля могла поворачиваться вслед за движением солнца.

Денег он точно не пожалел бы, просто осуществить эту его безумную идею не нашлось охотников. Дольше всех носились с какими-то чертежами алчные итальянцы – отец и сын Абандано из Милана, но и они отступились, посоветовав присмотреться к творениям архитектора Трезини, по проектам которого был заложен Кронштадт, Александро-Невская лавра, выполнена часть планировки Васильевского острова, выстроен Летний дворец Петра Первого в Летнем саду. Отец Трезини отверг, так как к тому времени присмотрелся к молодой красивой архитекторше – поклоннице так называемой калифорнийской школы, основу концепции которой составляла идея непрерывности архитектурного пространства.

Кстати, об идеях. Кирилл, провожая до дома меня, срочно ретировавшегося из враждебных шестисоточных пределов, сообщил, что его брат исповедует коммунистические идеи, являясь членом организации под названием «Авангард революционной молодёжи».

Добавил:

– Он ненавидит богатых

– А ты? – спросил я.

– А мне по фигу. Лишь бы человек был хороший.

Он потрепал меня по плечу. Я ответил ему тем же. А потом ладони наших рук соприкоснулись в звонком хлопке.

Вообще, то лето относится к светлым воспоминаниям моей жизни. Мы с Кириллом почти всё время проводили вместе, – играли в теннис, купались, ловили рыбу, просто гуляли, по вечерам осваивали новые компьютерные игры, случалось, и выпивали, сидя у пылающего камина, когда терзаемая ревностью мать уезжала искать отца, по её выражению «не вылезавшего из вертепов».

Семейные ссоры тяжки. Здесь нет законов и правил. Они не походят ни на болезни, ни на раны, скорее, на те кожные трещины, что не зарастают, потому что зарости им нечем. Наоборот, каждое новое выяснение отношений заставляет края, покрытые коростой забытых обид, кровоточить. Я понял это рано, и рано узнал, что ссоры моих родителей сопровождаются не только оскорбительной бранью. Однажды, подходя к дому со стороны теннисного корта, я услышал голоса – хриплый и злой – отца, и матери – тревожный, умоляющий. Они надрывались, сясь перекричать рёв искусственного водопада.

– Я этого не говорила! – оправдывалась она.

– Врёшь! Врёшь! – кричал он. – Ты намекала, сука!

– Это не так. Я только хотела...

– Намекала!

– Выслушай, пожалуйста... – умоляла она.

– Нет, это ты выслушай! Моя личная жизнь тебя не касается! Хочешь, кричи, хочешь вой, понятно? – несколько слов утонуло в шуме падающей воды. – ...запомни раз и навсегда, я буду спать с кем захочу и когда захочу!

– Подлец!

Я вышел из-за большого валуна и увидел их фигуры на террасе, окаймлённой по периметру разноцветными лампочками подсветки, в этот миг рука отца взлетела к лицу матери, – механизм водопада как раз замолк, переключаясь на другой режим, – и во внезапной тишине раздался звук пощёчины. Мне показалось, он рассыпался по водной глади множеством отголосков, которые слились с женским плачем.

Отец ушёл – здоровый, процветающий мужчина, весь в обаянии шика общения на коротке с сильными мира сего, высоких ставок в казино, членства в «Покерном клубе», второй бутылки и четвёртой сигары, шофёра, готового ждать хозяина всю ночь. А она осталась, сторбленная как старуха несчастная женщина, у которой не было ничего, на что можно было бы опереться, – ни образования, ни профессии, ни настоящих друзей.

Боль матери передавалась мне. Но всё отступало, и эта боль тоже, когда, сидя в гостиной, казавшейся с её сияющими канделябрами, богатыми ореховыми панелями и наборным узорчатым паркетом гостьей из восемнадцатого века, я видел, как радуется всей этой роскоши мой друг, гоня языком по стенкам пузатой хрустальной рюмки дорогой французский коньяк. Потом мы, уже порядком поднабравшиеся, валялись в шезлонгах на террасе и пили пиво под «злодейскую» музыку группы «The Cure», а заходящее солнце трогало последним лучом каменные глыбы водопада, и тень большого дома шагала на восток, упрятывая в темноту бассейн и теннисный корт.

Да, хорошее было лето. Я вспоминал его часто, осенью и зимой, находясь на занятиях в частной школе. Не в той, где преподавал каллиграфию мистер Монкрифф, а в другой, куда отец, – а его особенностью было то, что, раз приняв решение, он тут же его осуществлял, – меня перевёл, решив, что она престижнее. Школа была только для мальчиков, и её руководство строго следило за тем, чтобы учителя и наставники не вмешивались в конфликты между воспитанниками. Типа, наше дело лишь знания давать, к спорту приобщать и учить хорошим манерам, а все разборки – на уровень родителей, которые – один другого круче. По этой причине в школе царил самая настоящая дедовщина. Зачисленный в изгой из-за того, что был новеньким, я, не скрывая от матери множившиеся день ото дня следы побоев, не раз просил у неё помощи, намекая, – не плохо бы в Англию, как обещали. Но она, всегда бравшая сторону отца, неизменно отвечала, – потерпи до выборов в Госдуму, – когда отцу не надо будет объяснять общественности, почему сын получает образование не в России, тогда посмотрим. Отчасти она была права, – это сейчас ничего никому не надо объяснять, – хоть свиноферму в полном составе заводи на Охотный Ряд – а тогда общественность и журналисты ещё кое-что значили. В общем, не знаю, чем бы это всё закончилось, – думаю, нервным срывом точно, если бы не мой товарищ по несчастью – тоже изгой – из Краснодара. Над ним смеялись по причине того, что его отец завозил деньги в школу в мешках наличными, чуть ли не в мелких купюрах. Так вот он однажды приобщил меня к вещам особого рода, и я провалился в удивительное состояние, – все вопросы казались отныне получившими ответы, все проблемы решёнными, все сомнения и страхи раз и навсегда отброшенными. При этом отчётливо понимал – эта окончательность всего лишь самообман, кайф пройдёт, и из блаженного парения снова рухну в мир конфликтов, но рухну обновлённым, знающим за какой дверцей скрываются свобода и благодать, дающие силы не позволять собой помыкать. С того дня боялись уже не мы с краснодарцем, а нас – сильных своим единением и тем, что употребляли «благодать» в любом виде.

Кайф уступал место агрессии, и мы бродили по школе как хищники, готовые порвать в клочья каждого, кто встанет на пути. Домой я приходил, хватаясь за стены, и мать долгое время думала, что моё состояние вызвано переутомлением – целый день в школе, дорога занимает не менее часа, плюс автомобильные пробки. Когда же ей, не знаю уж каким образом, открылась правда, она кинулась к отцу, который, отмахнувшись от неё, занятый более важным делом. К тому времени был построен крытый конный манеж – на крыше площадка для мини-гольфа – и он завозил в поместье лошадей. Четыре рысака, все англо-будённовцы, красавцы – огромные, с лоснящимися коричневыми спинами, густыми гривами и с тёмными удлинёнными пламенными глазами. Они быстро помогли мне избавиться от наркотической зависимости, так как сразу дали понять, что не собираются подчиняться слизняку, для которого натяжение поводьев – это лишь средство удержаться в седле. Впрочем, кони были настолько горды, независимы и мстительны, что от них доставалось не только мне, но и отцу, которого слизняком никак нельзя было назвать. Помню, однажды при исполнении вольта – вольтом называется движение лошади с наездником по кругу, – он резко и необоснованно усилил давление обоих шенкелей – шенкелем называется внутренняя сторона ноги всадника от колена до ступни – и жеребец по имени Реслинг немедленно ответил – в аллуре притёрся боком к стенке манежа. Специально. Чтобы пострадала нога наездника, зажата между лошадиным крупом и шерша-

вой каменной кладкой. После этого случая отец распорядился обшить манеж по периметру хорошо оструганными досками с наклоном, что придало ему вид огромной чаши с плоским дном и покатыми краями.

Прокладывать в лесу конные маршруты было отдельным удовольствием, которое, впрочем, испортила мать, вызвавшая меня, только, только научившегося орудовать топориком, для секретных переговоров.

– Ты знаешь, – она сощурила глаза, словно от яркого света, хотя в комнате было темно. – Я думаю, тебе надо привыкать думать о себе самому. Дело в том, что ты у отца не один. У него вообще несколько семей. Я выяснила это не так давно, а на прошлой неделе вообще имела счастье лицезреть одну из его любовниц и двоих её детей.

– Где ты их лицезрела? – спросил я.

– Неважно, – её голос задрожал, из глаз полились слёзы. – Это была настоящая семейная идиллия – он, эта стерва и их дети – мальчик и девочка. Мальчик – вылитый твой папаша. И обращался он с ним совсем не так, как с тобой маленьким. Можешь мне поверить, я знаю, о чём говорю. Поэтому прошу, возьми за ум, подтяни в школе хвосты и думай только об одном – как поступить в институт. Запомни, если загремишь в армию, и тебя там убьют, твой отец только обрадуется.

Она закрыла лицо руками, содрогаясь в рыданиях, но, когда я обнял её, отшатнулась с криком:

– Не трогай меня, урод! И в кого ты только такой урод? Ума не приложу, откуда ты такой взялся?!

Мне захотелось взять её за руку, подвести к зеркалу и сказать: я взялся из тебя, посмотри, как мы похожи. Но я не стал этого делать, – распрямылся и ушёл.

Повзрослев, я не часто вспоминал детские обиды, но, когда вспоминал, не мог удержать слёз. Тогда же, в юношескую пору был словно покрыт кожурой – шершавой и чешуйчатой как у ананаса, практически невосприимчивой к внешним воздействиям, и благодаря этому мог, особо не переживая, существовать в мире всеобщей нелюбви.

*

Как бы то ни было, а за ум я взялся. В последний школьный год много занимался, и был замкнут, прикидываясь самодовольным, бессердечным, осмотрительно злобным циником. В результате поступил в Российский государственный гуманитарный университет на факультет управления и права. Сам. Без чьей-либо помощи. И воспринял это как награду за прошлый труд, но не как задаток за труд предстоящий, считая студенческие годы временем, когда надо наслаждаться жизнью, а вовсе не готовиться к какой бы то ни было карьере. А потом, кто из студентов не знает – способный человек может семестр бездельничать, а потом засесть за учебники и с помощью чёрного кофе за несколько недель наверстать упущенное. При условии, что этот способный человек умеет концентрироваться в нужный момент, – добавил бы я сейчас. Но кто об этом думает в девятнадцать лет?

Наслаждался я в основном в ночных клубах, налегая на спиртное, – с наркотиками завязал бесповоротно – и девочек. Ни до, ни после я не жил такой напряжённой и разнообразной половой жизнью как на первом курсе института. Что ни ночь, то новая девушка. Не проститутка – после нескольких безрадостных контактов от их услуг я решительно отказался, – а именно девушка, настоящая, тёплая, из тех любительниц потусоваться, чьи отличительные черты – безмозглость, красота и покладистость. Некоторые были покладистыми от природы, другие же – склонные к истеричности длинноногие блондинки, например, – становились покладистыми, когда обнаруживали, что их приятель не беден. А кто меня упрекнёт в том, что я этого не скрывал? Общественность, церковь, окружающие? Так, как сказал один мой

знакомый: «Слава богу, не в Америке живём, это с их вшивой демократией, если богат, должен вертеться ужом, изображая нищего!».

Близкие тоже весьма слабо реагировали на мою разгульную жизнь.

Отец, попав в Думу, с головой окунулся в законотворческую деятельность, лоббируя интересы легальных водочных производителей. А интересы эти заключались в установлении всё более высокого нижнего ценового порога на алкогольный продукт и в снижении акциза, чтобы прибыль росла даже с учётом потерь от растущей инфляции. «Всё на благо народа, господа, надо же ему как-то отличать водку качественную от заведомо поддельной и опасной для здоровья». О том же, что цена «поддельной и опасной» скакнёт вверх на тот же процент, что цена «настоящей» – молчок. В трудах его поддерживал тот самый дежурно скандальный политик, фамилия которого – она же водочный брэнд – стала к тому времени торговой маркой, красовавшейся на самых разных товарах – мужской и женской парфюмерии, сигаретах, чае и даже майонезе.

Теперь о матери. Будучи натурой экспансивной, с неустойчивым нравом, она ударилась в религию, возомнив себя истинно верующей, которая, не зная, что она истинно верующая, долгое время не понимала, что происходит с ней и с её семьёй. А всё было очень просто. Демоны – слуги сатаны, искушая, одолевали, – нет, не её, им её было не одолеть, но мужа и сына, причём, именно потому, что она – истинно верующая. Родственников просто верующих демоны, если и искушают, то не так рьяно, а на атеистов им вообще плевать.

– Неужели ты не видишь, – говорила она с печалью в голосе, слеза, скатившись по щеке, выпитывалась в ткань головного платка – платок не снимался даже ночью, – что тебя окружают настоящие демоны?

Окружение моё, действительно, было в то время довольно пёстрым. Там были и сын владельца самой большой в стране сети аптек – обладатель двенадцатицилиндрового «Бугатти», что позволяло ему быть лидером нелегальных уличных ночных гонок имени Рафаэля Эстевези. И бывший футболист «Спартака», пробавлявшийся тем, что играл за любительскую команду деревни Жуковка, располагающуюся, как известно, на Рублёво-Успенском шоссе. И некий странный тип по имени Илья – антисемит и, по его словам, русский патриот. Илья работал зубным техником, имел новенький, купленный в кредит «Ситроен», но с жильём у него была просто беда. Я убедился в этом сам, побывав у него в гостях. Не совсем по своей воле – просто он, вняв голосу человеколюбия, приволок меня, однажды, упившегося в хлам, к себе домой, где уложил спать на кухне под столом. Утром, открыв глаза и увидев нависающую над головой деревянную плиту, я ужаснулся, решив, – всё, доигрался, похоронили живым! Но посланный накануне алкоголем в нокаут разум подсказал: ты спишь, и тебе снится, что тебя похоронили, вот и всё. Успокоенный, я закрыл глаза, но тут появился Илья и сказал, что пора вставать. С минуту я, то проваливался во мрак, то возвращался к действительности. Услышав собственный стон, возвратился окончательно, и приподнялся на локтях. Всё-таки нашёл в себе силы встать и оглядеться. Потом я огляделся ещё раз и пришёл к выводу, что никогда ещё не оказывался в таком неряшливом и запущенном помещении. Горы грязной посуды громоздились повсюду – в раковине, на столе, на плите и даже на шкафах, в воздухе витал назойливый гнилостный душок, какой издают переполненные мусорные вёдра, сутки напролёт томящиеся ожиданием опорожнения. Пепельница ощетибилась сигаретными окурками, окурки были запихнуты и в стоявшие на подоконнике пустые пивные бутылки. Линолеум на полу был липким, весь в каких-то подозрительных пятнах. Через всё пространство тянулась бельевая верёвка, провисшая под тяжестью сохнувших простыней, наволочек и пододеяльников, а с единственного в кухне предмета, который внушал надежду, – с большого финского холодильника свисала отвратительного вида грязная тряпка, лишь отдалённо напоминавшая полотенце.

– Попить дашь? – произнёс я, с трудом ворочая языком. – И ещё в туалет хочется.

– Попить не проблема, – Илья снял с плиты и подал мне чайник, к носику которого я немедленно припал. – А что касается поссать, то это на улице. В сортире дед засел с простатой, а в коридоре очередь выстроилась – не прорваться.

Это было воистину так. Когда шли к входной двери, мой благодетель коротко бросал:

– Это мать, это сестра моя, мой брат, подруга его, в гражданском браке живут.

Находившиеся в коридоре люди хранили молчание, не отвечая на мои несколько судорожные от осознания неловкости ситуации кивки.

– И это не считая детей, которые, слава богу, гадят в памперсы и в горшки, – добавил Илья, когда мы уже стояли у лифта.

– Всегда у вас так? – спросил я, не придумав ничего более осмысленного. – Или просто на семейный праздник съехались?

– У нас такой праздник каждый день, – он упёрся в меня горячим, злым взглядом. – Одиннадцать человек на шестидесяти квадратных метрах, но при этом у каждой семьи – машина. Вот в чём причина московских пробок. Понял?

– Не совсем, – признался я.

Он вынул из пачки сигарету и закурил, загородившись от меня облаком дыма.

– Объясняю. Русский человек, не имея возможности купить квартиру, покупает машину, – в кредит, во всём себе отказывая, но покупает. Чтобы чувствовать себя человеком. Понял? У меня, например, дом рядом с метро и работа рядом с метро, но я ни за что на работу на метро не поеду, если только машина сломается.

– Почему? – искренне изумился я.

– Потому что, когда захожу в метро, зная, что даже в нормальном сортире мне отказано, чувствую себя таджиком. Понял? Я – русский человек! Вот до чего евреи-либерасты страну довели! Но ты не бойся, – он потрепал меня по плечу. – Мы, когда придём к власти, русскую национальную буржуазию не тронем.

Тема «либерастов» всплыла несколько дней спустя, когда мы встретились с Ильей в баре, где собирались футбольные фанаты – туда меня затащил мой приятель – бывший член команды «Спартак».

Илья сразу огорошил меня вопросом:

– Ты русский или не русский?

– Ну, русский, – я уже порядком нагрузился, поэтому медленно соображал.

– А раз русский, должен ненавидеть либерастов, так?

– Ну, допустим.

– Или хочешь, чтобы страна снова погрузилась в хаос?

Словосочетание «страна снова погрузилась в хаос» неожиданно нашло отклик в моей душе, ибо в этой стилистике изъяснялись отец и его сообщники, когда пьянствовали у нас в поместье:

– Стране нужна твёрдая рука.

– В стране нужно навести порядок.

– Западная демократия – не пример.

– Хватит, наелись демократии.

– На Западе нет нефти.

– Там нет газа.

– Нет алюминия.

– За ними только американские банки.

– Нью-йоркские банки.

– Еврейские банки.

– Америке скоро конец.

Убедительность интонации завораживала...

– Не хочу! – откликнулся я с таким энтузиазмом, какого Илья от меня уже не ждал. – Не хочу, чтобы страна снова погрузилась в хаос.

– Тогда пошли.

– Куда?

– Бить морды либерастам.

Это меняло дело, но отказаться от участия в мероприятии я не мог из-за нежелания прослыть трусом. Поэтому нехотя поплёлся к двери.

На улице какие-то невыразительного вида молодые люди уже грузили футбольных фанатов в автобус, где на полу в проходе между сиденьями лежали бейсбольные биты. Затем последовал инструктаж:

– Ваше дело затеять драку, потом появится милиция и заберёт кого надо.

– А кого надо? – спросил я, всё ещё находясь под сильным алкогольным воздействием.

– Ты что, дурак? – последовал ответ.

Когда прибыли на место – им оказалась улица Достоевского, – выяснилось, – нас опередили, ибо драка уже началась. На тротуаре возле двухэтажного дома, похожего на архитектурный памятник прошлого века, группа безоружных парней и девчонок с криками: «Что вы делаете, фашисты?!» яростно отбивалась от наседавших на них с битами бритоголовых бойцов – явных наших союзников. Где-то совсем рядом визжали тормоза милицейских машин. На мостовой сидел, мыча от боли, первый пострадавший. Он держался руками за голову, и из-под пальцев текла кровь. Вдруг он отвёл от лица ладони, и я признал в нём старшего брата Кирилла – в основном по характерному прожигающему взгляду.

– Он не либераст, – сказал я Илье, размахивавшему над головой в предвкушении битвы дубинкой. И указал на пострадавшего. – Он красный. В смысле коммунист.

– А какая разница?

Илья жизнерадостно ринулся в атаку. На бегу обернулся.

– За развлечение ещё и заплатят!

Тем временем в дело вступили милиционеры. Двое в форме устремились к старшему брату Кирилла, считая его лёгкой добычей. Им наперерез с криком: «Беги, Лёха!» кинулась девушка – хрупкий мотылёк в маечке и джинсах – и ещё двое парней из числа оборонявшихся. Завязалась драка, теперь уже со стражами порядка. Лёха же бежать явно не мог. Кое-как поднявшись, он стоял, раскачиваясь, и с трудом шевеля непослушными губами, выталкивал изо рта клубок ругательств.

Я увидел, как коренастый, похожий на обезьяну фанат с битой, оскалившись в хищной улыбке, подкрадывается к нему сзади. И тут – не знаю, что на меня нашло, – сорвался с места, с ходу засадил фанату ногой в живот, а когда тот кряхтением перегнулся пополам, обхватил Лёху, как это делали медсёстры на войне, и поволок к ближайшей подворотне.

Подворотней оказалась распахнутая калитка в заборе, ограждавшем старинное, с облупившейся штукатуркой здание, которое фасадом, затянутым зелёной строительной сеткой, выходило на проспект, параллельный улице Достоевского. Там – на этом проспекте – мы с Лёхой и очутились спустя короткое время, показавшееся мне вечностью. И хотя никаких признаков погони не наблюдалось, я, глядя на спешащих по своим делам прохожих, вдруг ощутил страх, – возникло желание удрать... бросить раненого и бежать во все стороны сразу.

Привалив его к столбу рекламного щита, я, борясь со слабостью и головокружением – никому не советую таскать без привычки придурков выше себя ростом – подошёл к бровке тротуара и поднял руку в надежде остановить машину.

Если бы чуткий к языку жестов автомобиль выглядел чуть респектабельнее приставшего к обочине старого раздолбанного мерседеса, я бы, – честно говорю – поддавшись желанию послать всех к матери, уехал бы один. Хотя нет, главная фишка заключалась всё-таки не в автомобиле, а в водителе. Из окна высунулась сначала мощная арка загнутаго как турецкая сабля

носа, и лишь потом показалась покрытая чёрной щетиной физиономия. Кавказец! Да ещё и характерный акцент: «Куда тэбэ, друг?». Кавказцев я в глубине души считал ниже себя, подерживая тем самым существование разделяющей общество пропасти – по одну сторону – мы, по другую – они, цвет кожи, волос, разрез глаз которых иной, нежели у нас. Их не стоит стесняться. Тем более, бояться. Ведь в списках жертв милицейского произвола они неизменно занимали и занимают первые места.

– Я с товарищем, – сказал я, указывая на Лёху, который уже брёл к машине, спотыкаясь и кривя от боли губы. – Он в крови, ничего?

– Мужчины крови не боятся, – выражение лица кавказца, – наверное, из-за носа – было добродушным и одновременным насмешливым. – Садитесь, довезу, куда надо.

Куда надо, он знал точно – к дому пострадавшего. От чего пострадал, от кого – не его дело. Но к дому надо обязательно, чтобы из квартиры вызвать «скорую», а когда приедут, сказать, – упал с табуретки. Табуретка действует безотказно, если денег дать.

Я дал ему денег вдвое больше положенного, когда он подвёз нас к подъезду рождённой эпохой Хрущева пятиэтажки, стоявшей в длинном ряду своих страшного вида сестёр на улице под названием 3-ая Прядильная.

Время было позднее. Наверное, за полночь. На улице – тихо, как в могиле, даже повисший на мне всей своей тяжестью Лёха перестал стонать. Вдруг послышались шаги, смех, девичий голос. Я обернулся. Чёрной лентой лежала мостовая, ещё мокрая от дождя, который пролился в Измайлово, не дойдя до центра, откуда мы приехали. На влажном асфальте неровными золотистыми пятнами отражались уличные фонари, а по тротуару вдоль деревьев шла девушка, выглядевшая гостьей из другого века. Под шёлковой чёрной накидкой – она струилась, слегка распахиваясь при ходьбе, – угадывалось что-то восхитительное – бархатно-шифоново-кружевное, длинные пряди волос отливали в ночи синевой, лоб украшала сверкающая диадема, на ногах – изящные, словно покрытые серебряной паутиной остроносые башмачки с пряжками, украшенными филигранью. Девушку сопровождал парень с выбритыми под ирокез висками, весь в чёрной коже, куртка – с множеством металлических заклёпок и цепей, на ногах – ботинки в армейском стиле – combat boots. Признать в нём Кирилла было трудно – и из-за панковского прикида, и потом мы же не виделись сто лет, – но мне это удалось. И когда он подошёл, я сказал:

– Здравствуй, Кирилл.

– Привет, – откликнулся он, словно мы расстались только вчера. Подошёл, перекинул через свою шею левую руку брата, правая – лежала на моей шее. – Где ты его нашёл? Или сам стал красным?

– Случайно встретились. Ему «скорую» надо вызвать.

– Ты думаешь, это с ним первый раз? – в голосе Кирилла слышалось раздражение. В то же время он бережно коснулся пальцами щеки Лёхи, который, покачиваясь, стоял, опустив голову ему на плечо. – Весь уже битый, перебитый. Матери все нервы вымотал. Вот и сегодня попёрся на какое-то объединительное собрание каких-то несогласных. Слушай, – он перевёл взгляд на меня. – Приходи завтра вечером в клуб «Фантазус». Там поговорим.

– Где это?

– Рядом с Плющиной переулком, названия не помню. Найдёшь, там он один такой.

– Тебе денег дать?

Он поднял брови.

– Зачем?

– Для «скорой». Говорят, если не заплатишь, они могут по дороге в больницу из машины больного выкинуть. У Лёхи-то явное сотрясение мозга.

– Ничего, – Кирилл взвалил брата себе на спину. – Очередное сотрясение ему только в кайф. Он же по жизни в голову раненый. Ну что, пока?

– Пока. До завтра.

*

Вечером следующего дня у входа в клуб «Фантазус» толпились – мрачного вида – все в чёрном – готы и эмо, внушающие отвращение немые альтеры, длинноволосые металлисты, одетые в «милитари» индустриальщики, да и самые обычные внешне парни и девушки. Все они хотели попасть на выступление играющей блэк-метал шведской группы с длинным названием, включающим слово «Front». Накануне группа выступала в Питере, причём, триумфально. Об этом восторженно рассказывали находившиеся в толпе фанаты «фронтёров», делившиеся также впечатлениями о ночи, проведённой с любимой группой в поезде Петербург – Москва.

Кирилл появился, когда, оставляя на асфальте перед входом пустые пивные бутылки и банки из-под тонирующих напитков, публика начала втягиваться внутрь. Появился вместе с девушкой, которую я видел с ним накануне. Её звали Лорилин. Имя конечно вымышленное. У него тоже имелось вымышленное имя – Ди Зилло (Дикий Зилло) – поскольку вступил в ряды панк-готов, а там так принято. Об этом он поведал, когда мы находились уже внутри – в заполненном под завязку зале. Предложил последовать его примеру, – быть готом это сейчас прикольно – и, не долго думая, наделил меня именем Прозорливый Идиот.

Мы ещё немного пообщались, я спросил, как себя чувствует Лёха.

Ответить Ди Зилло не успел – начался концерт, причём с сильного и внезапного задымления зала. В багровых, подсвеченных софитами, клубах дыма едва угадывались силуэты появившихся на сцене музыкантов, которые сходу обрушили на собравшихся шквал звуков невыносимой громкости. Толпа перед эстрадой немедленно спрессовалась, превратившись в клокочущую биомассу, частью которой стал мой друг, напоследок крикнувший:

– Будь как дома!

Прелестная Лорилин тоже куда-то подевалась, по-видимому, всосало в толпу. И я побрёл в надежде отыскать свободный стул вдоль стены в ту сторону, где стулья и столики, словно испуганное стадо, сбились в кучу на крохотной площадке периферийного зального пространства.

Свободных мест не было, хотя пустые стулья были, – их держали для своих дежурные представители тусовок, захватившие столы заблаговременно.

Неожиданно я услышал:

– Садись.

Я оглянулся, скользнув взглядом по стильным тёмным очкам блондина с короткой стрижкой – классический зачёс назад, волосок к волоску, гель, словом всё, как положено. Он сидел за столиком у стены, рядом с ним был свободный стул. Он снова предложил мне занять его, сопроводив фразу приглашающим жестом.

Со словами благодарности я подошёл и только тут понял, – то, что принял за тёмные очки, совсем не очки, а широкая полоса чёрной туши, нанесённой непосредственно на кожу через переносицу от уха до уха. Походило на тонкую шёлковую повязку с прорезями для глаз. Их цвет на чёрном фоне трудно было определить, поскольку внимание концентрировалось исключительно на белках – ярких как у негра.

– Ты здесь первый раз? – спросил блондин после того, как я сел.

– Да, – ответил я, не сводя глаз с кольца на его руке. Серебряное, выполненное в гнушей, режущей, прочеканивающей ювелирной технике, формой напоминающей коготь хищной птицы, оно украшало средний палец, полностью его закрывая. На уровне верхней фаланги сиял большой чёрный агат, венчая изысканного рисунка фрагмент, напоминавший пламенеющий костёр и корону средневекового правителя одновременно.

– Нравится?

– Кольцо нравится.

– А что не нравится?

Я кивнул в сторону эстрады. Шведы как раз, немного пригасив звук, крупным планом подавали без связи и разбора отрывистые гитарные запылы, в то время как на задворках композиции блуждала нищая, бледная, тоскливо однообразная мелодия.

– Да, – усмехнулся мой собеседник. – Невесело наблюдать, как ребятишки платят деньги, чтобы поглядеть на ребят чуть постарше, воспроизводящих снова и снова один и тот же старый набор аккордов, упакованных в замусоленную обёртку раскрученных рок-н-рольных жанров, будь то хард, металл, панк, грандж или гот-рок, который, якобы, основан на эстетике хоррора. Развернёшь обёртку, а там пустота.

– Ну почему пустота, – возразил я исключительно из духа противоречия. – Ребята молодые, у них опыта маловато, техники. Если будут стараться, всё у них получится.

Блондин несколько минут молча смотрел на меня. Потом сказал:

– Пустота, потому что в их музыке нет жизни. Такие клубные выступления для них лишь способ подзаработать. Знаешь, кто они такие, эти четверо шведов? Один стоматолог, другой массажист, третий автослесарь, четвёртый страховой агент. Неделю они усердно трудятся на своих рабочих местах, а на выходные едут неважно куда – куда пригласят и там с красными линзами на глазах, одетые как на карнавал к Сатане музицируют, якобы, создавая атмосферу ужаса и интровертивного настроения. Используя простые аккорды, размытые ревером гитары, отчётливый лидирующий бас и первобытные барабаны на четыре четверти. Ну и непрофессиональный нарочито искажённый вокал. Слышишь, как надрывается?

Один из шведов – в чёрной майке с надписью на груди «DEVOLUTION» – действительно вопил на пределе своих голосовых связок, откинув голову – на шее вздулись вены – и засунув микрофон чуть ли не в гортань.

– Поёт по-английски. О чём, понимаешь? О том, что солнечному свету и теплу предпочитает ледяной кровоподтечный сумрак мертвецкой. Ну так, казалось бы, и вперёд, в этот самый сумрак. Кто мешает? Нет. Благополучно отыграв, парень возвратится в свой милый шведский домик, к своей милой шведской жёнушке, она будет печь пироги, а он – стричь лужайку перед домом, на которой они с детьми и собаками будут наслаждаться солнечным светом и теплом.

Блондин был конечно же прав. Но он был на редкость красивым, к тому же чрезвычайно элегантным – безупречного покроя костюм, тёмная шёлковая сорочка, того же оттенка галстук с булавкой, украшенной миниатюрным серебряным черепом с рубиновыми глазами, – поэтому с ним не хотелось соглашаться.

Я поднял брови.

– Ну и что в этом плохого?

– Ничего, – пожал он плечами. – Кроме того, что, снимая обёртку, получаешь пустоту. Если тебя это устраивает, стань фанатом группы «Bad Religion» – «Плохая религия». Там вообще обязанности вокалиста исполняет доктор биологических наук, а на гитаре играет глава одного из специализирующихся на панк-роке лейблов некто Гуревич. Душераздирающие гитарные партии владельца торговой марки как фон для слезливых завываний и злобных криков учёного-биолога – это ли не готично!

– Есть Мэрилин Мэнсон, – не сдавался я.

Губы блондина скривились.

– Фальшивка и убожество. Типичный продукт шоу-бизнеса. По текстам – начальная школа, по качеству звучания – провинциальная Россия, по актуальности музыкального материала – всё это имело смысл двадцать – двадцать пять лет назад. В смысле эпатажа – восковая копия Элиса Купера, который по большому счёту тоже фальшивка.

– Но почему? – изумился я. – Все знают, – в активе Элиса гастроли с наркотиками, выпивкой, кровью, змеями, закулисными драками и ещё кучей всякого разного. Не говоря уже о психушке, куда он, в конце концов, загремел.

– Ага. И через месяц вышел, чтобы вновь шокировать обывателей сценами, якобы, необузданного разгула, включающими в себя леденящие кровь инсценировки хакакири и детоубийства, с текстами, повествующими о сексе с мертвецами и о зловещих медсёстрах-маньячках. Казалось бы, живёт человек так, как дышит, бездумно швыряя в толпу радостно визжащих фанатов одну вонючую бомбу за другой, и радуется. На самом деле «Великий и Ужасный Элис» все сорок лет своей концертной деятельности чётко держал нос по ветру. Как змея сбрасывает кожу, так и он менял музыкальные жанры, неизменно оставаясь в рамках мейнстрима. Не брезговал даже диско и тривиальным радио-форматом, пока не стал походить на чьего-то подвыпившего папашу, ворвавшегося на школьный бал.

Крыть было нечем. Но капитулировать следовало, не теряя достоинства, и я спросил:

– А кто же, по-твоему, не фальшивка?

– Много кто, – блондин отпил из стоявшего перед ним толстостенного стакана. – Хочешь? Двойной бурбон с содовой. Настоящий. Рекомендую.

– Хочу, – сказал я.

Приподнявшись, он выбросил вверх руку – пальцы в виде буквы «V» – подавая знак бармену, который не замедлил откликнуться, прислав официанта с подносом.

– Спасибо, – произнёс блондин после того, как стаканы с бурбоном переместились с подноса на стол. Потом, обратил взгляд на меня.

– Выпей, потом договорим.

Три глотка виски сотрясли меня, как динамит, вытряхнув из доброго расположения духа – я и раньше был не в восторге от самоуверенно-сниходительного тона моего визави, а тут вдруг тон этот показался мне недопустимо оскорбительным.

Я уставился на блондина с вызовом.

– Ну и кто же, по-твоему, не фальшивка?

– Джим Моррисон, например. Его безумства многих восхищают, но вряд ли кто из ныне живущих музыкантов хочет вступить на этот путь. Его выходкам пытаются подражать, но получается лишь жалкая пародия. Перед его поэзией все, вроде как преклоняются, тащась от шальных образов и метафор, но мало кто замечает – во всех поэтических текстах сквозит одна и та же мысль, то уходящая на глубину, то выступающая на поверхность.

Так мирен и мягок был голос моего собеседника, так тих и спокоен, что струны агрессии ослабли, и злость моя улетучилась.

– Ну и что это мысль? – поинтересовался я с довольно, впрочем, мрачным видом.

– Мысль очень простая: я люблю жизнь, но и смерть считаю другом. Незадолго до смерти лидер группы The Doors Джим Моррисон написал:

«Я взбирался ступенями кладбища, шорохи, мгла...

Та короткая ночь лучшею порою была.

И пусть я одинок, так и не обзавёлся женой,

Мой единственный друг, ты по-прежнему рядом со мной».

Блондин отодвинул на край стола пустой стакан. Пригубил от полного.

– А когда Doors выступали в лондонском Roundhouse, у меня на DVD запись этого концерта, так там есть момент – Джим мимоходом заглядывает в объектив камеры и вполголоса говорит оператору: «Не парься, шеф, мы здесь ненадолго... совсем ненадолго». Прямо мороз по коже! И сколько ни смотрю, мурашек меньше не становится. А здесь, – он втянул носом

воздух, словно принохиваясь к беснующейся возле сцены толпе, – процентов на десять – наркотики, а на девяносто – имитация экстаза.

Я хотел было возразить, но не стал этого делать. И хорошо, что не стал. Ведь стоило истаять финальному такту последней перед перерывом композиции «фронтёров» – звук был похож на стон старого издыхающего тролля – как сидевший на полу в непосредственной от нас близости голый по пояс парень, перестал бить себя кулаками по голове, кричать и сотрясаться в конвульсиях. Встал, отряхнулся, поболтал со стоявшей рядом девушкой и деловой походкой направился к выходу, разминая в пальцах сигарету. А ведь казалось, покинет вечеринку в карете «скорой помощи» после серии успокоительных уколов.

На лице Ди Зилло, извергнутого из недр остывающей и распадающейся на части человеческой массы, выражения бессмысленного счастья также не наблюдалось. Наоборот, он был довольно хмур. А, встретившись со мной взглядом, нахмурился ещё больше. Сам подходить не стал, жестом попросил приблизиться.

– Не знал, – он встретил меня недоверчиво-презрительным прищуром, – что ты тоже из этих. Хотя столько лет прошло. . . .

– Ты о чём? – спросил я, начиная нервничать.

– Говорят, он гей, – Ди Зилло кивнул в сторону блондина, который, откинувшись на спинке стула и красиво заложив руки за голову, не сводил с нас глаз. – А выводы делай сам.

Меня бросило в жар, ибо я как человек, склонный к самоанализу, и при этом чуткий к новым веяниям нашего времени всегда с беспокойством относился к тому, что в присутствии друга того же пола ощущаю порой не только душевный подъём, но и некоторую эмоциональную теплоту. С подозрением смотрел на парней, обнимающихся и целующихся без стыда, с воем кидающихся после разлуки к другу на грудь, сам предпочитая, если уж не удалось уклониться от объятий, садистически лупить приятеля промеж лопаток, ощеривая зубы.

А блондин, между тем, раскурил сигару, и явно обращаясь ко мне, не повышая голоса, – шум в зале к этому моменту уже утих, – произнёс:

– Приходи завтра. Завтра здесь будут совсем другие люди.

*

К тому времени, как лёг в постель, оказалось, – незнакомец в сущности уже выиграл. Я страшно жалел, что не сказал: «А пошёл ты. . .», меня тяготило ожидание завтрашнего дня и данное мной обещание. Которого я, конечно же, не давал – просто скованной походкой с лицом, не обещавшим ничего хорошего, направился к выходу, – но ведь не отказался, промолчал, а молчание, как известно, знак согласия. Эти мысли разрушали мой сон. Полночи я был занят размышлениями, и эти часы мне уже не принадлежали, они принадлежали незнакомцу. Я вынужден был лежать и думать о нём, лежать и отгадывать, что он завтра мне скажет, о чём спросит, лежать и мучительно восстанавливать в памяти подробности нашего разговора, отчётливо при этом понимая, – он умнее меня, образованнее, намного привлекательнее внешне, лучше воспитан. Именно поэтому атака этого человека, явно более сильного и настойчивого, чем я, была мне неприятна, всё во мне противилось этому, сжималось и закаменывало. Лишь после того, как некоторым образом уяснил себе своё завтрашнее поведение – зайду в «Фантазус», выпью у барной стойки пару рюмок «Реми Мартин» и уйду – мне удалось отвлечь мысли от незнакомца и наконец-то уснуть.

Наступил следующий день. Наступил и тот послеобеденный час, когда люди позволяют себе строить планы на вечер, и созваниваются друг с другом. Мне позвонил Ди Зилло и пригласил в клуб «Точка», где выступала играющая тру хеви метал немецкая группа «Soman», ближе всех подбравшаяся к тому музыкальному стилю, который принято называть анти-музыкой. Я с радостью согласился, подумав, – ну вот и хорошо, – «Фантазус» автоматически побоку, – хотя от анти-музыки немцев был не в восторге, – у меня имелся их диск. Более всего это напоми-

нало грохот работающего цеха – ритмично ухают прессы, шипят сварочные аппараты, металл скрежещет о металл, здесь же кого-то методично пытаются, начальник всего этого адского хозяйства, чеканя шаг, ходит туда-сюда как заведённый, то раздавая отрывистые команды, то что-то злобно бормоча себе под нос. Творение, конечно, на любителя, но, если включить воображение, представив, что получаешь удовольствие, вкушая от чистого индастриал источника, то очень даже ничего.

Если бы я услышал в тот вечер в «Точке» то, что ожидал услышать, я бы так там и остался. Но перед приездом в Москву лидер «Soman» – здоровенный рыжий немец, страдавший маниакально-депрессивным психозом, распустил группу, набрав новичков, а главное, и это было его роковой ошибкой, – завязал с наркотиками. В результате публика получила вместо хаоса и чистой металлической агрессии тоскливый зудящий панк-рок, что катился и тянулся – весь в зазубринах ломаных ритмов, – словно ржавая консервная банка, привязанная к хвосту туберкулёзной крысы.

– Хреновое псевдопогружение в говённый андеграунд, – поделился своими впечатлениями от первых двух композиций Ди Зилло. – Ловить здесь нечего. Я, пожалуй, в «Реллакс», там сегодня «фронтёры» играют. Конечно, мало радости опять с ними встречаться, видеть, как пафосно суровые шведские парни нарезают сырой, непропечённый блэк-метал, сами по колено в гитарной грязи, но всё лучше, чем здесь. А ты куда?

– Не знаю, – сказал я, уже зная, что встречи с блондином мне сегодня не избежать.

Уже на выходе услышал, как какой-то фанат «Soman», чтобы раззадорить едва не испускающего дух вокалиста, крикнул:

– Харди, вылезай из гроба!!

Не знаю, вылез Харди или нет, но, что меня поразило – под крышку гроба была стилизована входная дверь клуба «Фантазус»! Прошлым вечером я не обратил на это внимания, так как перед входом толпился народ. Сейчас же, стоя в одиночестве перед чёрной, трапециевидного профиля вертикальной плитой с узким серебряным обрамлением по периметру и изображением ангела с крестом – посередине, испытал даже некоторый трепет. Но он исчез, уступив место любопытству, стоило взяться за массивную, под серебро с чернением, дверную ручку.

В узком длинном помещении, где располагался гардероб и туалетные комнаты, никого не было, и я сразу прошёл в зал, поразивший меня своим убранством. Накануне из-за сильного задымления и присутствия большого количества людей я его толком и не рассмотрел.

Вдоль стен были выставлены ряды колонн, на которые якобы опирались остроконечные стрельчатые арки. Якобы, потому что они были лишь красочными изображениями, искусно выполненными на потолке, фрагменты росписи которого композиционно объединялись идеей крестового свода. Фон потолка был в боковых пределах тёмно серым, а в центре – светло-серым, сияющим, благодаря чему возникало ощущение безмерности пространства над головой. Этот необычный интерьер был озарён цветным мерцанием витражей – красных, синих, жёлтых – вправленных в стрельчатые рамы фальш-окон, углы которых были кое-где затянуты искусственной паутиной из ниток. Такая же паутина свисала с венчавших столбы каменных розеток, за которые цеплялись летучие мыши родом из сувенирных лавок, торгующих «ужасами».

Я знал это и всё-таки вздрогнул и замахал руками, когда перепончатокрылая тварь упала мне на голову, своим писком перекрывая смех девушки с голубыми как у Мальвины волосами, которая веселилась от души, держа пальчик на джойстике пульта дистанционного управления. Её сосед по столику – парень в чёрной кожаной жилетке, – бицепсы в татуировках, на лбу защитные сварочные очки – также веселился, но более сдержанно, как бы за компанию. Не смеялись, а лишь улыбались две барышни – обе в чём-то прозрачно-сетчатом, затянутые в корсеты они изображали госпожу и рабыню. Шею «рабыни» охватывал металлический ошей-

ник, к которому крепился кожаный поводок, «госпожа» его периодически натягивала, что, по-видимому, входило в правила игры.

Не улыбался мой блондин, сидевший не там, где вчера, – в зале в смысле расположения мебели вообще всё было не так, как вчера. Так вот он сидел за одним из столиков центрального полукруга, напротив большого плазменного экрана, на котором одна картинка сменяла другую, но все они были отражением изысканных, пёстрых и одновременно меланхоличных образов нездешнего мира. Ландшафты с замками, горы, охотничьи уголья, кони, породистые собаки, кусочек неба с радугой, рыцари, странствующие монахи, прекрасные дамы, одна из которых глубокой ночью поднимается по витой лестнице сторожевой башни и входит в каминный зал. Высокие своды потолка на стройных желобчатых колоннах теряются в темноте, там летает, натываясь на стены, пленная ласточка, через окно – переплёт в форме лилии – заглядывает луна, она освещает фигуру карлика-шута, безнадежно влюбленного в свою госпожу, которая идёт по мозаичному полу, роняя из букета одну розу за другой. Карлик поднимает цветы, прижимает к лицу, острые шипы ранят кожу, слёзы смешиваются с кровью.

И всё это под музыку, полную холода, слёз и отчаяния, бездонно глубокую, благодаря высокому, хрустального тембра женскому голосу и вторящему ему словно эхо низкому мужскому.

– Это «Лакримоза»? – спросил я, усевшись на стул рядом.

– «Лакримоза», – кивнул блондин. – Только настоящая моцартовская, являющаяся последней частью «Реквиема». А ты думал это группа Тило Вульфа?

– Неважно, что я думал, – от раздражения плечо моё нервически дёрнулось. – Я, кажется, забыл поздороваться.

– Ну, привет, – он внимательно на меня посмотрел. – Я рад, что ты пришёл. Всё-таки, пришёл. И не беспокойся, пожалуйста, твоё неброское личико совсем не в моём вкусе.

– Ты тоже даже не герой моих ночных кошмаров, – парировал я, находясь в недоумении, – вот какого, спрашивается, расселся тут и не ухажу?

– Не сердись. Скажи лучше, как тебя зовут.

Он произнёс это в свойственной ему подкупающей манере – с искренней теплотой в голосе. И вновь повторилось вчерашнее чудо, – как бы даже против моей воли все его предыдущие фразы, ещё несколько секунд назад казавшиеся претенциозными и оскорбительными, перестали таковыми казаться.

– Прозорливый Идиот, – сказал я.

– О, как интересно! – он прищурил глаза, окаймлённые лентой из чёрной туши. Значит, ты отказываешься участвовать в общественной жизни, да ещё и считаешь такое поведение правильным с точки зрения исторической перспективы?

Я поднял брови.

– С чего ты это взял?

– С того, что в Древней Греции идиотосом называли человека, принципиально не участвовавшего в общественной жизни.

– Да? Я не знал.

– А ты в ней участвуешь?

– Нет.

– Я тоже нет. Значит, я тоже идиотос. Но ты же у нас ещё и Прозорливый, то есть умеющий предвидеть ход событий. Это, между прочим, здорово! Можно я буду звать тебя Прозо? Просто Прозо. Ты не против?

– Не против.

– Ну вот, а я Влад.

Блондин улыбнулся – первый раз за время нашего знакомства, – и я увидел в ряду белых ровных зубов длинные вампирские клыки. Отвести от них взгляд было невозможно, а смот-

реть, тупо выкатив глаза, человеку в рот, – неприлично. Хорошо, что он выручил меня сам. Спросил, принимая серьёзный вид:

– Нравится?

– Настоящие? – уклонился я от прямого ответа.

– Нет. Накладные. К сожалению, настоящие, в смысле имплантанты, я себе позволить не могу. Я же работаю. Нельзя отпугивать потенциальных заказчиков.

– А кем ты работаешь?

– Я ландшафтный архитектор. Работа хорошая, – как у палача из анекдота – на свежем воздухе и с людьми.

Я выдавил из себя пару вежливых смешков, потом небрежным тоном осведомился:

– А к чему они тебе, эти накладки? Зачем?

– Ну как же, – он пожал плечами. – Положение обязывает. самого знаменитого вампира – графа Дракулу из Трансильвании звали Владом.

– Вла-ад, – потянула его за рукав девушка, похожая на несчастную, выброшенную на помойку дорогую куклу – рваные колготки, длинные сетчатые перчатки в дырках, пышная, как балетная пачка, мятая кружевная юбочка, спутанные волосы розово-сиреневого цвета, но главное – большая, чёрная, нарисованная на щеке слеза. – Влад, как тебе моя новая причёска?

– Отлично, Агата, детка, – он притянул её к себе как ребёнка и поцеловал в лоб. – Здравствуй.

– Здравствуй, – отозвалась она, косясь на меня. – А где клавиесин?

– А на прежнем месте его нет?

– Не знаю, – протянула она, вытянув губы трубочкой. – Я ещё не проверяла.

– Ну так иди проверь. Думаю, он там же, где всегда. По крайней мере, я на это надеюсь, – это Влад сказал уже мне. – После вчерашнего нашествия варваров всё может быть. Кстати, ты знаешь, что варварами в третьем веке нашей эры называли германские племена готов, которые к готике как стилю никакого отношения не имеют.

– Я этого не знал, – рассеяно обронил я, глядя вслед удаляющейся Агате, – ножки у неё были очень даже ничего.

– Так знай, что термин «готика» был введён в эпоху Возрождения как уничижительное обозначение всего средневекового искусства, считавшегося «варварским». Понял?

– Это понял. Я другого не понял, зачем вы в ваш клуб приглашаете готов-варваров, вроде вчерашних «фронтёров» и их фанатов? Если они вам по духу не близки?

– Не близки, – мотнул головой Влад. – Но почему бы не дать ребятам из Швеции подзаработать. Это во-первых. Во-вторых, клуб «Фантазус», кстати, Фантазус в римской мифологии бог грёз – сын бога сна Гипноса и брат Морфея. Так вот наш клуб, хоть и элитарный, но не закрытый. Мы и приглашаем гостей, и сами ездим в гости. Совсем недавно побывали в Польше на очередном dark-independent-фестивале. Представь, три дня аккуратного безумия в Болковском замке – свечи, музыка, танцы, новые знакомства на фоне старинных интерьеров, реки горячительных напитков и, как следствие, уверения в вечной любви и дружбе.

– А в чём элитарность вашего клуба? – спросил я, глядя, как отодвигают в сторону экран и выкатывают на сцену клавиесин – похожий на миниатюрный рояль инструмент, только с двумя клавиатурами, и контур «крыла» не плавный как у рояля, а угловатый.

Влад, тоже внимательно следивший за тем, что происходило на эстраде, обратил взгляд на меня.

– Здесь собираются лучшие представители отечественной готической субкультуры. Я не говорю, что наш клуб такой единственный, но он из числа самых достойных.

Я хотел было указать на парня в чёрном цилиндре, с набелённым как у арлекина лицом, с красным, похожим на рваную рану ртом, и язвительно бросить: «Так уж и лучшие!».

Но парень сел за клавишник и взял первый аккорд, ясностью тона напоминая эхо над горным озером. Затем звук словно взбежал по винтовой лесенке, увешанной колокольчиками, и к нему присоединились шелест ударных и элегические стоны гитары. Ударник и гитарист тоже выглядели как те ещё клоуны, но теперь это не имело значения. Ну вот, а потом запела Агата. Так тихо, что это скорее напоминало завораживающий, словно молитва, протяжный шёпот. Подобная исполнительская манера свойственна Карен Энн Зейдель, слушать которую – всё равно, что с ней целоваться, – дыхание с лёгким запахом сигарет «Gauloises», ботфорты набиты украденными драгоценностями, а её билет до Палермо – это лимонная косточка, растёртая в пыль челюстями химер, охраняющих собор Парижской богородицы. Фатально и чертовски сексуально.

Так вот, манера была похожа. Но пела Агата совсем о другом:

Нежнее нежного
Моё лицо
Белее белого
Моя рука
От мира целого
Я далека
И всё моё
От неизбежного.

От неизбежного
Моя печаль
И пальцы,
Что сжимают бритву,
Слабеют руки
Творю молитву
Едва творю
Вновь
Кончаю битву
Я отворю...
Кровь...

И снова плеск клавишных струн, горящие свечи... а тут ещё и вино принесли в высоких серебряных кубках....

Чувствуя, что противиться очарованию атмосферы клуба «Фантазус» вряд ли дальше достанет сил, я всё-таки небрежным тоном произнёс:

– Похоже на суицидальный арт-рок Blondie.

– Чушь, – немедленно отреагировал Влад. – Там пластмасса, а здесь настоящий талант и настоящее чувство. К твоему сведению у Агаты на счету две действительно серьёзных попытки суицида. Правда, это было до того, как она попала в нашу компанию.

– Она конечно немного странная, – я тянул слова, переваривая услышанное. – Но всё-таки никогда бы не подумал...

Влад остановил на мне ледяной взгляд, но в этом взгляде не было враждебности.

– За каждым готом, Прозо, – бездна. Как, впрочем, и за не готом. Исключений не бывает. Пусть пустяшная, но бездна есть за каждым.

Я хотел было сказать, – ну, не знаю, за мной никакой бездны точно нет, но прикусил язык, потому что бездна была. И ещё какая!

Однажды, это случилось ещё до того, как у меня появилась отдельная квартира, я пришёл домой поздно. Матери не было, она осталась в загородном доме, а отец... Отец даже не потрудился закрыть дверь супружеской спальни, и я, проходя по коридору мимо, увидел их, – его и какую-то девчущку, чуть ли не мою ровесницу, судя по нежным розовым пяткам, – нагишом в постельной буре.

Я застыл на месте, как человек, впервые наблюдающий вскрытие трупа. Трупом была совместная жизнь отца и матери, но мертвец в кое-как подогнанном саване лежал до этой поры в гробу на не убранном цветами постаменте, всё-таки сохраняя черты благопристойности. Теперь же ошметки этой благопристойности летали по комнате вместе с бесстыдными взвизгиваниями девчущки, стремившейся всеми способами показать, что происходящее доставляет ей удовольствие.

Опомнившись, я прикрыл дверь спальни. И пошёл прочь из родительского дома, решив переночевать у бабушки – матери моей матери. Она жила на другом конце Москвы в двухкомнатной, с маленькой кухней квартирке, в которой когда-то ютились все мы.

Притомившись от дальней дороги и пребывая в расстроенных чувствах – такого тоскливого стыда мне испытывать ещё не доводилось – я выпил в баре возле её дома два дрянных коктейля, от которых чуть не умер на месте. Неудивительно, что сознание моё начало выключаться ещё до того, как я нажал кнопку звонка. Бабушка открыла дверь, и тут коврик, на котором я стоял, словно выдернули у меня из-под ног. Стараясь удержать равновесие, я подался вперёд, но коварный порог поймал мой ботинок за рифлёную подошву, а пол прихожей встал дыбом, и изо всей силы шарахнул меня по лицу. Я лежал, и от боли перед глазами вспыхивали сотни огненных цветочков. Потом увидел два шлёпанца с розовыми помпонами и услышал бабушкин голос, в котором клекотало бешенство.

– Пьяная дрянь! Яблоко от яблони! Такой же ублюдок, как отец, этот прохиндей из Рязани!

В прошлом учительница математики она не отличалась уравновешенностью и легко переходила от одного настроения к другому, так что нередко объектом её критики становилось то, что час назад она восхваляла. Неизменно негативным оставалось лишь её отношение к моему отцу, которого она считала хитрым и циничным провинциалом из Рязани, женившимся на её дочери исключительно из-за московской прописки.

Поражаясь степени, до какой этот день был не моим – и отец никогда ранее не позволял себе приводить домой девок, и бабушкина ненависть к нему никогда ранее не транспонировалась на меня с такой определённой, – я с виноватой улыбкой приподнялся на руках. И тут внутри меня словно вышибло какой-то клапан: в попытке предотвратить неизбежное откинулся назад, набрал в грудь воздуха и со стоном, похожим на всхлип, вывалил содержимое своего желудка прямо на розовые помпоны. Растерянный и безнадежно несчастный я не мог даже пошевелиться, в каше глухих звуков и мутных образов, похожих на галлюцинацию, выделил судорожно кривящиеся губы возмущённой бабушки, но не мог понять, что она говорит. Лишь после того, как меня вырвало ещё раз, стал доходить смысл страшных слов, которые она бросала мне в лицо, – жаль, что ты не умер в младенческом возрасте, а мог бы, был у тебя такой шанс, когда заболел двусторонним воспалением лёгких, а главное, твоя мать хотела твоей смерти, желая таким образом отомстить негодяю из Рязани, который уехал к морю с очередной проституткой, наплевав на жену и больного ребёнка, да, жаль, что не умер, и ведь уже синеть начал, да я – старая дура, пожалела, вызвала «скорую помощь», приехали, где, спрашивают, мать, а мать в парикмахерской, волосы перекрашивает, вот так-то!

Удар пришёлся по уже наболевшему и принёс с собой не потрясение, но лишь тупую, мучительную боль и ещё мысль о том, что ещё один будет уже не по силам. Впрочем, я выдержал и его – имею в виду объяснение с матерью, к которому её подвёл, сообщив, что младенцы, вопреки распространённому мнению, обладают интеллектом и памятью. Добавил:

– Я, например, отлично помню, что ты хотела моей смерти.

– Это он хотел, – произнесла она, не дрогнув лицом, – Твой отец.

Соврала, но самого-то факта не опровергла! Мой мир в ту минуту распался, оборвались его тесные связи, прижаться больше было не кому. Короче, бездна. И главный ужас заключался в том, что я с тех пор стал приучать себя смотреть на мать со стороны, как на чужую. Тогда видел долговязую блондинку с огромной нелепой силиконовой грудью и такой же нелепой короткой стрижкой, в углу рта – сигарета, вокруг – глянцевые журналы, листаемые под непереносимые звуки омерзительной отечественной попсы. Спустя примерно год после описываемых событий, она сильно переменялась внешне, так как уверовала, что стала истинно верующей. Самые же страшные превращения ожидали мать впереди и были связаны с болезнью – раком лёгких, изглодавшим её до полной неузнаваемости.

Но когда я сидел в зале клубе «Фантазус» мрачный от нахлынувших воспоминаний как Джонни Депп в фильме «Мертвец», этот ужас ещё скрывался от неё, да и от меня тоже, за чередой дней, недель и месяцев.

С Джонни Деппом в «Мертвце» меня сравнила Лорилин, как всегда прелестная – длинные, чёрные, шёлкового блеска волосы, платье с глубоким декольте и кружевной нижней юбкой, на глазах янтарные контактные линзы с кошачьим зрачком. Она затормозила меня, потащила танцевать. И вытащила таки, хотя я не хотел, на середину зала. Ну а там, запах духов, упругое тело под пальцами и волшебная музыка, балансирующая на грани дрим-попа и пост-рока, в ней купались два голоса – нежнейший женский и реже звучащий хрипловатый мужской. Лорилин не молчала, она делилась информацией – в контексте дальнейшего общения совсем не бесполезной – нет, она не девушка Ди Зилло, хотя между ними было что-то похожее на близкие отношения, а теперь они просто друзья, тем более, что живут в соседних подъездах, объединяет их любовь к готике, хотя готика готике рознь, Ди Зилло, например, тащится от неотразимо лоботомических гитарных запилов, а она пишет стихи, обожает Бодлера, Малларме, Верлена, Блока, слушает Колтрейна, The Doors, Black Sabbath, The Cure, смотрит фильмы Андрея Тарковского, Алексея Германа, Лени Рифешталь, Райнера Фассбиндера, Ларса фон Триера, Джима Джармуша. Ким Ки Дука...

Она говорила и говорила, явно не догадываясь о моей культурной отсталости, – многие из ею названных имён я слышал впервые. Зато несомненно чувствуя, что мой интерес к ней возрастает с каждой минутой. Немного, правда, холодил эмоции её янтарный кошачий взор, непроницаемый как у сфинкса, зато рот сулил такую полноту чувственного общения, что я несколько раз поймал себя на том, что облизываюсь.

Мы были бы с ней счастливы, по крайней мере, ближайшей ночью точно, если бы мой взгляд не упал на танцующего Влада, в движениях которого было что-то от чемпиона-теннисиста из любителей – разболтанность и грация одновременно. Вернее, на его партнёршу – стройную, изящную девушку с кожей такой опаловой прозрачности, что на виске каждая жилка представала глазу бьющейся, живой и трепетной. Голубоглазая и светловолосая – эта девушка была сокрушительно красива и чертовски соблазнительна – под чёрным бархатом платья чудных естественных очертаний грудь взывала не зрению, а прямо к осязанию.

Влад в этом зале, безусловно, был королём, его партнёрша – принцессой, а я... я внезапно почувствовал себя конюхом, которому каким-то чудом удалось заполучить на вечерок хорошенькую камеристку.

Самое удивительное, что и Лорилин вдруг словно прозрела, поразившись обывательской невзрачности моего облика. Отстранившись, она окинула меня критическим взглядом, после чего произнесла:

– Ты классный, но тебе надо серьёзно поработать над своим готическим имиджем.

– Надо, – согласился я. И чмокнув её в знак признательности в щёку, поплёлся к своему столику, за которым уже сидел Влад.

- Выпьём?
- Выпьём.
- Знаешь за что?
- За что?

– За красоту, Прозо. В любом отдельно взятом миге бытия есть своя красота. Юный принц в бархатном камзоле, играющий с королевой в её прекрасных покоях в шахматы, со временем может превратиться в Педро Свирепого или Чарльза Безумного, но момент красоты остаётся.

Мы выпили. И я спросил:

– А кто она, эта принцесса, с которой ты танцевал?

– А, – он улыбнулся своей вампирской улыбкой. – Еву невозможно не заметить. Натуральная блондинка с нежной как у ангела кожей и божественной фигурой. Живёт и учится в Москве, хотя весь земной шар к её услугам. Финансовые возможности её отца в этом смысле неограниченны. Кто-то вбил ей в голову, что русская актёрская школа лучшая в мире, и она учится здесь в театральном училище, на мой взгляд, совершая ошибку.

Я поднял брови.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что the Best of the Best в современном художественном мире – англичане. Британское кино, британская актёрская школа, британский дизайн и, разумеется, британское образование – это знак больше, чем качества. Это знак отличия. А Лондон! Это же необыкновенный город, в котором, как писал Питер Акройд – «новое даёт защиту старому, старое оберегает новое, а в самом факте их единения заключен секрет, сияющий сквозь время».

– А имя Ева – её настоящее? – вернул я разговор в нужное мне русло.

– Думаю, нет. Думаю, что у всех, кто в данный момент здесь находится, имена не такие, какие им были даны при рождении. Считай это феноменом готической инициации, который собственно феноменом не является, так как присущ большинству современных молодёжных субкультур. Вот деньги её отца очень даже настоящие. И он так любит свою дочь, что снизил нам плату за аренду этого помещения до смехотворной цифры в десять долларов за один квадратный метр в год.

– А кто у неё отец?

– О, – Влад снова наполнил бокалы. – Это человек, можно сказать, легендарный. Два покушения за три года. Первый раз машину, кажется «мерседес», взорвали на Садовом кольце рядом с институтом имени Склифосовского, куда его отнесли умирать. Но он не только не умер, но и вернулся на прежнее место работы – в мэрию, где снова принялся отвечать за свой блок вопросов, связанных с городской недвижимостью. Те, кто считали, что он должен просто ответить, не успокоились. И осуществили в районе Триумфальной арки операцию, сходную с военной – с блокированием машин, взрывами, стрельбой, убийством охранников и прочими ужасами. Но наш отчаянный московский чиновник снова уцелел – раненый, чуть ли не ползком добрался до ближайшего магазина, оказавшегося булочной, приказал перепуганным продавщицам забаррикадировать дверь, вызвал милицию и дождался её приезда. Снова больница, снова длительное лечение и, представь, – снова возвращение на работу в мэрию. Ты, кстати, не можешь не знать об этой истории. И в газетах писали, и в интернете об этом было, и по телевизору...

– Я не смотрю телевизор, – обронил я, косясь на Еву, которая сидела через два столика от нас в компании Агаты и парня – мастера играть на клавишине.

– Браво, Прозо! Давай за это выпьем.

– За что за это? – спросил я, продолжая смотреть на девушку моей мечты.

– За то, что я в тебе не ошибся. Для меня тоже нет корма в ящике под названием телевизор. А те отруби, что потребляют невинные разумом создания. . . . о, да ты, я вижу, меня совсем не слушаешь!

– Слушаю, – я перевёл взгляд на него.

– Давай выпьем, – он протянул мне бокал. – И пойдём, я тебя с ней познакомлю. Пригласишь её танцевать. Хочешь?

Хочу ли я с ней танцевать! Да я бы танцевал босиком на битом стекле, если бы моя одежда хотя бы в малой части соответствовала принятым в клубе «Фантазус» готическим стандартам! А так – сиреневая майка-поло, голубые джинсы, рыжие крокодилы мокасины и апофеоз кошмара – белые носки, как у жизнерадостного идиота! Впрочем, я ведь и есть Идиот.

Я опустошил бокал. Потом, уставясь на Влада – глаза в глаза – красноречивым жестом оттянул на животе майку.

– Не надо рефлексий, мой друг, – он обратил ко мне ладони. – Ты свободный человек, и волен одеваться, как пожелаешь.

Я помотал головой, сжал губы в нитку и снова оттянул майку.

– Ну что ж, – он развёл руками. – Могу сказать одно – я рад, что ты демонстрируешь желание влиться в наши ряды. В ряды тех, кто не желает, чтобы наш мир провалился в тартары.

– Не понял, – насторожился я. – Что ты имеешь в виду?

– Понимаешь, наш мир это система, и ему, как всякой системе ничто не угрожает лишь в одном случае, – когда воздействующие на него противоположно направленные силы равны.

Я затряс головой.

– Опять не понял.

Влад успокаивающе поднял руку.

– Попробую объяснить на примере. Есть такой модельер Джон Гальяно, возглавляет один из старейших парижских Домов высокой моды «Кристиан Диор». Известен тем, что при создании коллекций одежды haute couture ни в малейшей степени не руководствуется принципом утилитарности. Его модели похожи на вереницу персонажей с балов всех королевских европейских дворов разом. Неевропейских, впрочем, тоже. Некоторые платья весят до сорока килограммов, что немногим меньше веса демонстрирующих их манекенщиц. А объёмы таковы, что собирать творения мастера приходится прямо на месте, в нескольких метрах от подиума. Одни считают Гальяно инопланетянином, другие – сумасшедшим, – накручивает и накручивает, мол, как безумный, свои оборки в духе маркизы Помпадур, явно идя против мэйнстрима. А он вынужден это делать.

– Как это вынужден? – округлил я глаза.

– А так, Прозо, – вздохнул Влад. – Чем небрежнее будут одеваться люди на улицах, чем вытянутее будут их линиялые майки, мешковатее брюки, бесформеннее юбки, тем в изделиях Джона Гальяно будет изысканнее вышивка, пышнее турнюры, гуще оборки. Его миссия, о которой он сам, возможно, не подозревает, заключается в поддержании равновесия в мире. Ну пусть не во всём мире, но на одном из его этажей точно. Понял теперь?

– Понял.

– Ну вот. То же самое происходит и здесь. Одежда футбольных фанатов, к примеру, год от года становится всё более убогой и серой в смысле стадной одинаковости. В противовес этому в среде готов усиливается стремление к эпатажу, тяга к различным экспериментам, к смешению стилей, например. В результате – новые образы, – не всегда впечатляющие эстетически, но поражающие воображение – всегда. Европейским готам, американским, кстати, есть даже японские готы, так вот им всем легче, – в их странах существует достаточно большое количество фирм, выпускающих готическую одежду, которая затем продаётся в специализированных бутиках. Наиболее известные торговые марки – «Tiger», «X-Tra», «Black Rose».

В России ситуация с goth-одеждой сложнее – специализированных магазинов нет совсем, зато есть ателье. Одно из них я тебе порекомендую. Называется «Old velvet», находится на шоссе Энтузиастов, располагается в административном здании автобазы, которая уже давно не функционирует, и неизвестно кому принадлежит. Судятся за неё несколько организаций вот уже лет пять как, и конца этому не видно. Пусть пейзаж – уныло постсоветский индустриальный – тебя не пугает. Внутри там всё в порядке. Всё в порядке и с мозгами у ребят – владельцев ателье. Насколько я в курсе их дел, они, рассчитывая на помощь Евиного отца, собираются выкупить здание автобазы, – оно, кстати, будет очень стильным, если привести в порядок фасад.

– А ты сам, где одеваешься? – спросил я, без стеснения рассматривая шикарный Владов костюм, раньше на это не решался.

– В Лондоне. У Тимоти Эвереста. Его пиджаки отличаются чёткостью силуэта, острой, выверенной линией плеча и неизменно безупречным абрисом воротника и лацканов. Despoke suit, то есть костюм, сшитый на заказ, стоит около двух тысяч английских фунтов. Можно тысячу сэкономить, если удовлетвориться made-to-measure suit – костюмом по индивидуальной мерке, но отшитым на фабрике. Многие корпоративные готы из состоятельных, я знаю, покупают костюмы в магазинах «Marks & Spencer».

– А что это за корпоративные готы?

– А это, Прозо, несчастные готы – рабы корпораций, в основном крупных, где существует dress code. В интернете полно сайтов с рассуждениями на тему – как соответствовать «офисному стилю» и при этом сохранить готичность. На мой взгляд, нет ничего в данной ситуации лучше ледяного дендизма с едва заметным налётом инфернальности. Мне самому очень близок этот стиль.

– Вижу, что близок, – закивал я. – Я тоже от него, если не тащусь, то близко к этому. А теперь скажи, откуда у тебя это кольцо?

– А, мой ястребиный коготь! – Влад постучал по столу серебряным остриём, покрытым узором из чёрнёных чешуек. – Представь, купил совершенно случайно в художественном салоне на Старом Арбате. А вообще такие штучки продаются в магазине «Darkus» на Горбушке. Правда, почти всё там тайландского производства. Но ты, Прозо, не горюй. При ателье «Old velvet» существует очень приличная мастерская татуировки и пирсинга, у них есть сотрудник, который, между делом, занимается ювелиркой готического дизайнера – скупает по всей Европе лучшее и привозит сюда. Для последующей реализации, естественно.

– Спасибо, Влад.

– Да пожалуйста.

*

Общий вид местности вокруг административного здания бывшей автобазы действительно был чрезвычайно уныл и безрадостен. Стены то ли гаражей, то ли цехов – не знаю, каким целям на самом деле служили одинаковые красного кирпича длинные строения, – так вот стены частично обвалились, обнажив, словно кости скелета, ржавые фрагменты железных внутренних конструкций. В проходах между гаражами громоздились старые раскуроченные грузовики – без стёкол, с погнутыми рамами, без крышек радиаторов, с деревянными подпорками вместо колёс. Это зрелище, наверняка, вдохновило бы Стивена Кинга на сочинение нового произведения из жизни устаревших в техническом отношении роботов, которых люди прежде, чем отправить в утиль, – он описал эту сцену в своём романе – названия не помню – долго и методично мучили, получая от этого садистическое удовольствие.

И ещё вокруг не было не души. Я потянул на себя железную дверь, – Влад предупредил, дверь ателье – железная – и застыл на месте. Ступени открывшейся взору чугунной лестницы круто уходили вниз, во мрак, под землю, откуда слышался угрожающий гул, и веяло жаром, как из преисподней. Решив, что это не то, что мне нужно, я припустил вдоль серой бетонной

стены и вскоре обнаружил другую железную дверь, снабжённую глазком и кнопкой звонка. Нажал кнопку. Открылась дверь, оказавшаяся, – это было первым впечатлением – тоже входом в ад, ибо встретили меня существа неопределённого пола с чёрными блестящими крыльями за спиной и с электрошокерами в руках.

– Ты кто? – спросил, энергично шевеля фиолетовыми губами, ангел смерти, являвшийся, судя по голосу, девушкой.

– Я гот, – ответил я, рассматривая будто склёпанные из сверкающей стали корсеты, кожаные, с траурными кружевными вставками шорты, с высокой шнуровкой ботинки на высоченной платформе, усеянной железными шипами. – Хочу попасть в ателье. Здравствуйте.

– Здравствуй, – помахивая электрошокером, откликнулся второй ангел – тоже девушка – рыжая, с густыми разводами туши вокруг глаз. – Иди за мной.

Я пошёл, не отрывая взгляда от чёрных, из блестящего винила крыльев. Они удерживались на спине лямками, похожими на рюкзачные. И были выполнены с большим мастерством. Материал крепился к проволочному каркасу, рёбра жёсткости которого сегментировали поверхность, делая её похожей на перепончатые крылья летучей мыши. При том, что внешний контур – не по мышиному агрессивный и зловещий за счёт заострённости углов – выглядел явной цитатой из «Властелина колец» Толкина, в бестиарии которого ужасного вида летающие драконы занимают, как известно, не последнее место.

Обуреваемый желанием рассмотреть конструкцию более детально, я, что называется, шёл, дыша чёрному ангелу в спину. И когда тот резко затормозил, едва не пропорол носом виниловую плоскость крыла, острый шип которого просвистел в следующее мгновение в миллиметре от моего глаза при развороте ангела на сто восемьдесят градусов. Невозмутимый, поигрывая электрошокером, он потопал в обратном направлении, оставив меня перед дверью с табличкой, на которой готическим шрифтом было написано «OLD VELVET».

Психологически готовый к встрече с «ацким сотоной» в качестве закройщика – в одной руке раскалённый утюг, в другой – лязгающие ножницы – я был приятно удивлён тем, что в интерьере помещения, куда попал, толкнув дверь, не было ничего inferнального. Наоборот, там было по-домашнему уютно, хотя и эксцентрики хватало. На стене – огромное, в старинной раме тёмного дерева зеркало, над ним под самым потолком длинный, на кронштейнах карниз с лекалами, с каминной полки свисают сетчатые – то ли перчатки, то ли колготки, подоконника не видно под шляпами, на столе – остроносый ботинок из расписной парчи, украшенный бубенчиками. У противоположной стены два кресла и столик, рядом – в позе слуги стилизованный под скелет манекен держит ворох одежды – бархатной, кожаной, атласной.

Почти такой же ворох был в руках у полненькой брюнетки в длинном, шёлковом, утянутом в талии шнуровкой платье в тот момент, когда я увидел её, а она – меня. Побросала вещи на стул, сделала несколько шагов навстречу. На правой её брови ближе к виску я разглядел металлическое колечко пирсинга. Произнёс:

– Здравствуйте. Меня к вам прислал Влад. Хочу вот приодеться.

– Давай на «ты», – она протянула унизанную серебряными кольцами руку, зашуршали кожаные браслеты. – Меня зовут Миа. А тебя как зовут?

– Прозо, – я сжал горячие мягкие пальцы. – Здорово тут у вас.

Её глаза вспыхнули, губы раздвинулись в улыбке.

– Всем нравится. Но чего это нам стоило! Сами, представляешь, выравнивали стены, прикручивали панели, крепили окна, красили потолки. Работали по утрам и вечерам, между примерками. У нас же не одна эта комната, есть ещё, и все были в жутком состоянии, там сейчас мастерские. Как обстановку собирали, если рассказать, не поверишь! Вот эту прелесть, – Она подвела меня к фишашкового цвета неказистому комоду, изъеденному жучком, – мы нашли в старом доме, шедшим под снос.

Миа принялась рассказывать, какое чудо получится из «прелести», если её отреставрировать, но я почти сразу оглох и онемел, ибо в ряду прочих, висевших над комодиком изображений готических моделей, увидел фотографию Евы. Она и здесь была лучше всех – вся в чём-то чёрном, облегающем, шикарно рваном, обнажены только плечи и правая рука, упёртая в бок. Светлые волосы с нарочитой небрежностью уложены в высокую, пышную, с выбивающимися прядями причёску, влажно поблёскивающие губы полуоткрыты.

Между тем, Миа, проследив за моим взглядом, перестала расхваливать комодик, переключилась на снимок.

– Это Ева – наша лучшая фотомодель, – она вздёрнула бровь и с видом превосходства опустила уголки губ, – Далеко отставленный локоть – сама ломкость, девушка, изогнувшись, застыла в позе, полной неясного смысла, словно вызванного внезапно возникшим импульсом. Что это за импульс? Внутреннее побуждение рабыни к свободе? Причём, рабыни, у которой не один хозяин, а сразу несколько – об этом свидетельствуют многочисленные цепочки-поводки, свисающие с охватившего тонкую шею широкого кожаного ошейника. Или эмоциональный толчок, и как результат осознание – принадлежу многим, значит, не принадлежу никому?

Я с удивлением на неё уставился.

Она засмеялась.

– Поражён пафосом моих речей? Так я же по образованию искусствовед. Работала в галерее современного искусства «Винзавод», морочила публике голову, расписывая художественные достоинства коллажей, на которых чернозём соседствует с вареньем, вулканическая пыль – с клоками человеческих волос, томатный сок – с бриллиантами. Пока не поняла, – всё, больше не могу, надоело! Ушла и занялась вот тряпочками, не случайно, конечно, думаю, сказала так бабушкина кровь, она была известным театральным художником с потрясающим воображением. А как у тебя с воображением?

Вопрос прозвучал неожиданно, и я слегка опешил.

– В смысле?

– В прямом. Ты же пришёл, как ты выразился, приодеться. Я и спрашиваю, каким готом ты хотел бы стать?

– А что, есть много разновидностей?

– Полно, – произнесла она отдельно, с упором на последний звук «о». – Есть готы старой школы, так называемые олдскульные, у них всё просто – чёрная одежда, чёрный цвет волос, ногти, губы – тоже чёрные, соответствующая поводка глаз. Ну и мировоззрение соответствующее – мизантропия, склонность к депрессии, ревностное отношение к канонам готической субкультуры вплоть до фетишизации. Им противостоят так называемые антикварные готы – романтики и любители нарядов, выглядящих реминисценциями исторического костюма – от ранней Готики до Викторианской эпохи. Это самый эффектный и красивый из всех готических стилей. Сам посудите, – ансамбли из бархата, парчи, шёлка, кружева, дополненные украшениями в виде диадем, колец, серёг, ожерелий из серебра и полудрагоценных чёрных камней, часто из жемчуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.